

Николай Павлович Загоскин

**История Права Московского
Государства**

Том 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Н63

Н63 **Николай Павлович Загоскин**
История Права Московского Государства: Том 2 / Николай Павлович Загоскин – М.: Книга по Требованию, 2015. – 166 с.

ISBN 978-5-517-87657-7

ISBN 978-5-517-87657-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ЦЕНТРАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ
МОСКОВСКАГО ГОСУДАРСТВА.

Н. П. ЗАГОСКИНА.

ДУМА БОЯРСКАЯ.—ПРИКАЗЫ.

КАЗАНЬ.
ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ.
1879.

По опредѣленію Юридическаго факультета Императорскаго Казанскаго Университета печатать дозволяется. Казань, 12 января 1879 года.

Деканъ *Н. Кремлевъ.*

В В Е Д Е Н І Е.

Причины по которымъ не могло образоваться центральныхъ правительственныхъ установленій въ удѣльно-вѣчевой Руси. — Княжеская Дума удѣльно-вѣчевой Руси и основы ея организаціи. — Общій взглядъ на органы центрального управленія въ Московскомъ Государствѣ.

Въ удѣльно-вѣчевомъ періодѣ развитія русской государственной жизни не образовалось опредѣленнаго различія между управленіемъ центральнымъ и управленіемъ мѣстнымъ. Образованію въ удѣльно-вѣчевомъ періодѣ центрального управленія въ собственномъ смыслѣ этого слова препятствовали весьма многія условія. Укажемъ важнѣйшія изъ нихъ.

Во первыхъ, самыя волости, находившіяся въ управленіи удѣльныхъ князей, были въ большинствѣ случаевъ весьма не обширны по территоріальному протяженію своему, вслѣдствіе чего князю не представлялось никакихъ трудностей лично, безъ посредства особыхъ центральныхъ установленій, слѣдить за ходомъ правительственной жизни въ подвластныхъ ему мѣстностяхъ.

Къ этой первой причинѣ предвходитъ и вторая, — сложность самыхъ функцій княжескаго управленія. На первомъ планѣ стоитъ княжескій судъ, тѣсно связанный съ

самою администраціею, а затѣмъ дѣятельность финансовая, отправлявшаяся черезъ посредство особыхъ данщиковъ, посылавшихся по волости для сбора дани изъ центрального стольнаго города княженія. Если мы будемъ имѣть въ виду обширное значеніе земскаго общиннаго суда въ удѣльно-вѣчевомъ періодѣ и значительную долю самодѣятельности земщины въ сферѣ финансовыхъ отношеній ея къ княжеской власти — то мы увидимъ, что самые размѣры дѣятельности княжеской власти не вызвали потребности въ организаціи болѣе или менѣе сложнаго центрального управленія.

Третьею причиною того обстоятельства, что въ удѣльно-вѣчевой Руси не образовалось центральныхъ правительственныхъ установленій, — служило полное отсутствіе въ самой жизни сознанія твердаго разграниченія управленій центрального и мѣстнаго. Извѣстно, что князья и сами въ извѣстномъ отношеніи носили характеръ правителей областныхъ; сажая по городамъ посадниками мужей своихъ, они обыкновенно удерживали извѣстное пространство территоріи въ непосредственномъ, личномъ вѣданіи своемъ — являясь здѣсь представителями мѣстной власти, наравнѣ съ посадниками посаженными ими въ другихъ округахъ⁽¹⁾. Такимъ образомъ, въ подобныхъ округахъ князь, какъ представитель центральной правительственной власти, сливался съ посадникомъ, какъ представителемъ мѣстной правительственной власти. Извѣстно наконецъ, что и по отношенію къ округамъ подвѣдомственнымъ особымъ посадникамъ, князья нерѣдко принимали характеръ представителей мѣстной власти, исключая на извѣстное время компетентность нормальной мѣстной власти первыхъ. Это имѣло именно мѣсто при княжескихъ *полюдьяхъ*, при объѣздахъ князьями волостей своихъ. Эти полюдья, носившія первоначально характеръ чисто фискальный, вскорѣ приобрѣли уже, сверхъ того, характеръ судебный и административно-ревизіонный, являясь средствомъ контроля дѣятельности органовъ мѣстной власти. И такъ не существуетъ еще представленія о стольномъ городѣ волости, какъ о правительственномъ центрѣ, въ которомъ сходились бы всѣ нити мѣстнаго управленія, органи-

(¹) Сергіевичъ: Вѣче и Князь, стр. 351.

ческое маневрирование которыми сосредоточивалось бы в руках особых центральных установлений. Центральный город волости продолжает сохранять первоистукующее значение свое не столько в качестве центра правительственного, сколько в качестве центра земского, естественного, в качестве города *старѣйшаго* сравнительно съ пригородами его, старѣйшаго в смыслъ естественнаго тяготѣнія къ нему волостныхъ земель.

При наличности указанныхъ выше условій—при которыхъ не могло возникнуть ощутительной потребности вь созданіи болѣе или менѣе сложной системы центральныхъ правительственныхъ установлений—единственными органами центральной власти являлись *вѣче* и *князь съ думою его*. Вѣче, какъ институтъ выразившій вь себѣ, послѣ факта призванія князей, значение компромисса между княжескою властью и автономіею земщины, какъ институтъ на почвѣ котораго сходились для преслѣдованія общихъ цѣлей начало княжеско-дружинное и начало земское, народное,—имѣло особое значение вь дѣлѣ призванія князей на столы, вь дѣлѣ ряда съ призванными князьями, для рѣшенія такого рода дѣлъ, вь которыхъ на помощь князю должны были прийти силы самой земщины и, весьма вѣроятно, вь важнейшихъ вопросахъ текущаго законодательства⁽¹⁾.

Такимъ образомъ для дѣлъ текущаго управленія вѣче могло имѣть лишь значение чрезвычайной инстанціи, вь содѣйствію которой обращались князья вь тѣхъ случаяхъ, когда являлось для нихъ необходимымъ знать воззрѣніе земщины на то или другое отношеніе или мѣропріятіе, заручиться ея сочувствіемъ или содѣйствіемъ; вѣче пріобрѣтало также подобное значение и по собственной инициативѣ, когда земщина, выведенная изъ терпѣнія злоупотребленіями князя или агентовъ его, вь лицѣ вѣча требовала отъ князя устраненія невыгоднаго для нея порядка управленія⁽²⁾. Вслѣдствіе высказанныхъ сейчасъ соображеній, нормальными, обыкновенными органами центральнаго управленія вь удѣльно-вѣчевомъ періодѣ—на сколько конечно можетъ идти

⁽¹⁾ На что впрочемъ, за исключеніемъ Новгорода и Пскова и указаній на ряды съ князьями, не сохранилось прямыхъ указаній.

⁽²⁾ Наприм. Поля. Собр. Лѣтоп., т. II, 2, 22 (1146 г.).

рѣчь о центральномъ управленіи за это время—являлись князь и дума его.

Въ княжеской думѣ удѣльно-вѣчеваго періода не слѣдуетъ видѣть правительственнаго установленія съ извѣстною правильною организаціею, съ опредѣленными предметами компетентности, съ твердо регулированными отношеніями къ князю съ одной стороны и къ мѣстному управленію съ другой стороны. Княжеская дума этого періода не представляла установленія юридически-опредѣленнаго. Она была явленіемъ чисто фактическимъ, начало котораго коренилось въ самыхъ условіяхъ государственнаго быта древней Руси—что не препятствовало ей пріобрѣсти тѣмъ не менѣе громадное значеніе въ жизни удѣльно-вѣчеваго періода. Будучи по существу своему княжескимъ совѣтомъ, Дума княжеская, въ силу условій быта удѣльно-вѣчевой Руси, дѣлается существеннымъ моментомъ государственной жизни этого періода, проникаетъ всѣ его отношенія, дѣлается главнымъ факторомъ всѣхъ явленій внутренней жизни этой эпохи. Князь и дума его представляются понятіями нераздѣльными; князь немислимъ безъ думы: въ ней все его значеніе, все его могущество, вся его сила. Такого было фактическое состояніе отношеній между княземъ и думою его; съ такой же точки зрѣнія смотрѣло на эти отношенія и само современное общество.

Совѣщанія русскихъ князей съ дружинниками ихъ—давнѣе начало учрежденію извѣстному подъ названіемъ княжеской Думы—восходятъ до самаго корня русской государственной жизни, будучи непосредственнымъ продуктомъ договорнаго начала въ отношеніяхъ князей къ дружинникамъ ихъ. Подобнаго рода совѣщанія, указанія на которыя находимъ мы съ первыхъ страницъ древней русской лѣтописи—непрерывною цѣпью продолжаютъ во все теченіе удѣльно-вѣчеваго періода. Трудно найти страницу лѣтописи, на которой не было-бы извѣстія о совѣщаніяхъ князей съ дружинниками⁽¹⁾ Типъ князя, постоянно совѣщающагося съ дружинниками своими какъ о ратныхъ дѣлахъ, такъ и о земскомъ строеніи—представляетъ намъ Владиміръ Св., прі-

⁽¹⁾ См. мое изслѣдованіе: «Очерки организаціи и происхожденія славянскаго сословія въ до-Петровской Руси», (Каз., 1876), стр. 29—30.

обрѣтшій себѣ за эту черту политики своей расположение окружающих его и горячую похвалу лѣтописца.

Развитіе удѣльной системы не только не стѣснило обычая совѣщанія князей съ дружинниками, но даже послужило къ дальнѣйшему развитію и усилению его. Пока княжеская власть не была еще раздроблена по удѣламъ, пока областямъ не представлялось возможности выбора въ князьяхъ первоначально совершенно, а съ теченіемъ времени являлось возможнымъ дѣлать подобный выборъ лишь изъ нѣсколькихъ князей, весьма тѣсно связанныхъ еще узами ближайшаго родства,—до тѣхъ поръ князья находили главную опору власти своей въ самомъ народонаселеніи, опираясь на которое могли они еще въ значительной степени игнорировать притязанія дружинниковъ своихъ. Но съ раздробленіемъ русской земли на дѣльную систему удѣльных княженій, съ появленіемъ для отдѣльныхъ волостей ея возможности широкаго выбора между князьями развитившагося рода Рюриковичей, съ появленіемъ начала *подъискиванія* лучшихъ столовъ одними князьями подъ другими, —высвывается теперь съ полною силою договорное начало въ отношеніяхъ князей къ городамъ, которое при предшествовавшемъ единовластіи не могло вполне рельефно выразиться во внѣшнихъ фактахъ. Подъискиванія столовъ въ большинствѣ случаевъ проявлялись во внѣшней силѣ, въ видѣ непрерывныхъ усобицъ между удѣльными князьями, которыми переполнена эта эпоха развитія русской государственной жизни. Ясно, что удѣльному князю, желавшему твердо обладать столомъ и, въ случаѣ утраты его, имѣть возможность добыть себѣ новый—слѣдовало позаботиться о томъ, что бы заручить на свою сторону возможно болѣе фактической силы; а это послѣднее естественно вело къ заботамъ о возможно лучшемъ составѣ дружины, составѣ лучшимъ въ смыслѣ преобладанія какъ нравственной, такъ и физической силы. Подобное положеніе не противорѣчитъ договорному началу въ отношеніяхъ князей къ волостямъ. Нельзя не отдать полной справедливости мѣткому замѣчанію проф. Сергѣевича, что волость безъ князя была какъ безъ рукъ, а потому отказывала въ приѣмѣ на княженіе первому изъ претендентовъ лишь въ крайнихъ и исключительныхъ случаяхъ,—слѣдовательно въ подобныхъ случаяхъ весь успѣхъ князей зависѣлъ только отъ болѣе или менѣе

удачнаго устраненія другихъ претендентовъ. Сама волость въ большинствѣ случаевъ оставалась равнодушною къ борьбѣ и, урядившись съ выигравшимъ дѣло претендентомъ, признавала его до тѣхъ поръ, пока былъ онъ ей любъ или, если имѣла основанія быть къ нему равнодушною, пока не изговялъ его новый претендентъ. Бывали конечно примѣры участія самихъ земщинъ въ усобицахъ князей, бывали примѣры земщинъ поголовно ополчавшихся за право излюбленнаго ею князя,—но, вообще говоря, народонаселеніе, по вѣрному замѣчанію С. М. Соловьева, крайне неохотно вмѣшивалось въ княжескія усобицы⁽¹⁾: главными дѣйствующими лицами послѣднихъ являются князья съ дружинными своими. Отсюда потребность тѣснаго союза между князьями и дружинниками; отсюда то явленіе, что въ дружинахъ ищутъ князья главной опоры для упроченія власти своей. Такимъ образомъ въ удѣльно-вѣчевомъ періодѣ вырабатываются два элемента,—народонаселенія волостей съ одной стороны, и князья съ дружинниками съ другой стороны, причемъ князь и дружина тѣсно соединены между собою общностью интересовъ и другими матеріально-нравственными узами. Дружинники, ввѣряя судьбу свою князю, не могли чуждаться его политики, особенно въ виду шаткости отношеній, господствовавшей въ удѣльномъ періодѣ. Это было для нихъ дѣломъ личнаго интереса. Потому то дружинники в. к. Ростислава, сѣвшаго въ 1154 г. на Кіевскій столъ, не допускаютъ его предпринять военныхъ дѣйствій, пока не урядится онъ съ Кіевлянами: „побѣде лѣпле въ Кіевъ, говорятъ они ему, же съ людьми утвердится“⁽²⁾. Дружинники, изъ собственнаго интереса, считали себя вправе требовать что бы князья безъ ихъ вѣдома не предпринимали никакого значительнаго предпріятія: князь легко могъ поступить опрометчиво, а всякаго рода неосторожность могла быть губительною для князя и опасною для интересовъ окружающихъ его⁽³⁾.

Изъ сказаннаго выше явствуетъ, что съ развитіемъ удѣльной системы совѣщанія князей съ дружинниками не

⁽¹⁾ Исторія Россіи, III, 5.

⁽²⁾ П. С. Р. Л. II, 76.

⁽³⁾ См. мое изслѣдованіе: «Очерки организаціи и происхожденія славянскаго сословія въ до-Петровской Русіи», стр. 32 и сл.

только не могли умалиться, но, напротив, должны были имѣть мѣсто еще чаще прежняго. И въ самомъ дѣлѣ, дружинники—какъ это вполне ясно усматривается изъ лѣтописей—смотрятъ на совѣщанія, на *думу* съ ними князей, какъ на свое неотъемлемое право. Добровольно содѣйствуютъ они лишь такимъ мѣропріятіямъ князя, которыя имъ вѣдомы, которыя задуманы княземъ съ ихъ согласія; припомнимъ надменный отвѣтъ лучшихъ дружинниковъ в. к. Владиміра Мстиславича, мотивирующихъ свой отказъ участвовать въ распрѣ его съ княземъ Мстиславомъ Изяславичемъ: „О собѣ еси, княже, замыслилъ; а не ѣдемъ по тобѣ, мы того не вѣдали!“⁽¹⁾.

Нельзя не замѣтить наконецъ, что само современное общество считало думу князя съ дружиною необходимымъ условіемъ мудраго управленія областью; вслѣдствіе этого лѣтописцы вмѣняютъ князьямъ въ высокое нравственное качество частое совѣщаніе съ мужами своими. Лѣтописецъ укоряетъ галицкаго князя Владиміра за то, что онъ „бѣ любезнивъ питію многому и *думы не любящеть* съ мужми своими“; извѣстна похвала лѣтописца в. к. Владиміру Св. за то, что онъ „бѣ любя дружину, и съ ними думая о строѣи земленѣмъ и о ратѣхъ и уставѣи земленѣмъ“⁽²⁾. Дума съ дружиною была и въ интересахъ самихъ князей, давая послѣднимъ возможность пользоваться житейскою мудростью людей опытныхъ и предотвращая ихъ отъ ошибокъ и заблужденій въ дѣлѣ управленія; послѣднее объясняется какъ тѣмъ, что въ числѣ дружинниковъ находились земскіе бояре и люди, вступавшіе въ княжескую службу, такъ и тѣмъ, что въ думу свою князья допускали, какъ ниже увидимъ мы это, и лучшихъ представителей земщины. Мудрые князья любили разумныхъ совѣтниковъ, выдвигая впередъ и жалуя ихъ; „гдѣ бояре *думающе*, гдѣ мужи храборствующіе, гдѣ рядъ полчный“—восклицаетъ разбитый Половцами Игорь Святославичъ⁽³⁾. Совѣщанія князей съ дружинниками дѣлали солидарными интересы обѣихъ сторонъ; сообща задуманное предпріятіе должно было вести

⁽¹⁾ П. С. Р. Л. II, 97.

⁽²⁾ П. С. Р. Л. I, 4, 54; II, 136.

⁽³⁾ П. С. Р. Л. II, 131.

князя и дружинниковъ къ общей радости въ случаѣ успѣха, къ общему горю въ случаѣ неудачи. Этимъ объясняется то, что всякого рода насильственные дѣянія направленные противъ князя, распространялись всегда и противъ дружинниковъ—совѣтниковъ его; такъ въ 1177 г., послѣ пораженія княземъ Всеволодомъ Рязанскаго князя Глѣба, послѣдній захваченъ, былъ въ плѣнъ а съ нимъ побѣдители „и думы его извезаша всѣ, и Бориса Жидиславича, и Олстина, и Дѣдилца, и иныхъ множество“⁽¹⁾.

Таковы были условія быта удѣльно-вѣчеваго періода, содѣйствовавшія развитію княжеской думы въ этомъ періодѣ. Разсмотримъ самую внутреннюю организацію *княжеской думы*, на сколькою восстанавливается она по дошедшимъ до насъ лѣтописнымъ извѣстіямъ.

Думу княжескую составляла вся совокупность лицъ, созванныхъ княземъ для совѣщанія объ извѣстномъ предметѣ; словомъ *дума* обозначался равнымъ образомъ и самый процессъ совѣщанія. Княжеская дума собиралась въ княжескихъ хоромѣхъ для обсужденія всѣхъ вообще дѣлъ касающихся междукняжескихъ отношеній, законодательства и текущаго управленія — тѣхъ дѣлъ, причастными которымъ не представлялось необходимости дѣлать все население; въ противномъ случаѣ дума замѣнялась вѣчемъ, которое какъ бы поглощало въ себя первую. Дума княжеская собиралась не только въ мирное время, но и въ походахъ, принимая въ послѣднемъ случаѣ характеръ военныхъ совѣтовъ, на которые допускались и вожди вспомогательныхъ войскъ, выступавшихъ съ княземъ въ походъ. Что касается княжеской думы собиравшейся въ мирное время — то мы имѣемъ основанія полагать, что она носила характеръ совѣщаній въ извѣстномъ смыслѣ постоянныхъ, обыденныхъ—въ чемъ и лежитъ существенное отличіе княжеской думы отъ вѣча созываемаго княземъ, какъ явленія исключительнаго, чрезвычайнаго. Въ своемъ знаменитомъ „Поученіи дѣтямъ“, в. к. Владиміръ Мономахъ, говоря о дневныхъ занятіяхъ князя, рекомендуетъ имъ вставъ отъ сна до восхода солнца и воздавъ хвалу Богу „*судше думати* съ дружиною, или люди направляти или на ловъ поѣздити“⁽²⁾. Здѣсь великій князь

(1) Н. С. Р. Л. I, 162.

(2) П. С. Р. Л. I, 102.